

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ АВСТРАЛИИ: ОСОБЕННОСТИ ВОЛН РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Проблемы функционирования языков в иноязычном окружении на протяжении последнего столетия представляют неизменный интерес для лингвистов разных стран [Wells 1932; Вайнрайх 1972; Земская 2001; Гловинская 2001 и др.]. В русле данного научного направления русская эмиграция, несомненно, представляет интерес для исследователей.

Как известно, эмиграция – явление сложное и многоплановое. Эмигранты покидали Россию в определенные временные периоды, что, несомненно, отразилось на их отношении к покинутой стране, русскому языку и культуре.

Каковы же особенности волн русской эмиграции в Австралию, в чем их отличие от подобных социальных явлений в странах Европы и Америки?

Традиционно лингвисты выделяют четыре волны эмиграции в Европу [Раев 1994; Назаров 1994; Пфандль 1994; Земская 2001; Голубева-Монаткина 2001 и др.] и в Америку [Эндрюс 1997; Васянина 2001], однако никто из лингвистов в своих исследованиях не дает определение самого понятия «волна эмиграции». Видимо, отсутствием четкого определения объясняется неразграничение некоторыми исследователями [Шатилов 1997] понятий «волна» и «поток» эмиграции. В данном случае под «волной эмиграции» понимается массовое переселение людей в другие страны за определенный временной промежуток.

Как уже было отмечено, выделяются четыре волны русской эмиграции:

первая волна – послеоктябрьская; насчитывала от двух до трех миллионов русских эмигрантов, после революции 1917 г. переселившихся главным образом в Турцию, Чехословакию, Германию, Фран-

цию и в меньшей степени – в Италию, Испанию, а также некоторые неевропейские страны, прежде всего Китай. Представителям данной волны, составляющим наиболее культурные слои российского общества, ориентированным на скорейшее возвращение на родину, по мнению исследователей, в большей мере удалось сохранить национальное единство, культуру и язык;

вторая волна состоялась после Второй мировой войны и значительно уступает первой как в количественном, так и в качественном (образование, социальный статус) отношении. Страны эмиграции, за исключением Китая, прежние; к этому списку добавляются однако США, куда двинулась большая часть переселенцев. Их важнейшая установка в большинстве случаев заключается в скорейшей ассимиляции с коренным населением;

третья волна вошла в историю как «брежневская», когда в 1970-е годы евреям и немцам было разрешено вернуться на их историческую. В этом потоке СССР покинули многие известные советские писатели и ученые. Данная волна в основном представлена образованной и культурной частью населения, людьми, как правило, владеющими английским языком (либо языком принимающей страны). Страны эмиграции – Израиль, США, ФРГ;

четвертая волна – постперестроечная, или экономическая; захватила нашу страну с 1987 г. Главным образом, данная волна образована уезжающими в поисках работы, а также так называемыми «новыми русскими». Страны эмиграции – США, Франция, Италия, Финляндия и др. Уровень образования этих переселенцев в целом достаточно низкий. По данным Н.Л. Пушкаревой, 99,3 % выезжающих из России в 1990-е годы не знали никаких языков, кроме русского [см. об этом: Земская 2001]. Их главная установка – добиться успеха на «новой родине» и полностью ассимилироваться.

Рассмотренное понятие «волна эмиграции» важно в связи с особенностями русской эмиграции в Австралию, которая не соответствует сложившимся представлениям об основных этапах эмиграции в Европу и Америку. Так, рассматривая эмиграцию в Австралию лишь до окончания Второй мировой волны, А.Б. Шатилов выделяет несколько этапов русской эмиграции, недифференцированно называя их «потоки» и «волны»:

- 1 – эмиграция русских евреев (конец XIX – начало XX в.);
- 2 – политическая эмиграция (1905 – 1907 гг.);
- 3 – рабочая эмиграция (начало XX в.);
- 4 – беженская (после революции 1917 г.);
- 5 – отъезд русских эмигрантов из Китая (начиная с 1932 г.);
- 6 – новая волна (после окончания Второй мировой войны) [Шатилов 1997]. Однако, основываясь на собранном фактическом материала-

ле, а также на принятом в данной статье определении «волна эмиграции», можно утверждать, что волн, как и в страны Европы и Америки, было четыре – остальные перемещения русских в Австралию можно считать незначительными в количественном отношении «потоками».

Тем не менее важно отметить, что волны австралийской эмиграции отличаются от эмиграции в Европу и Америку как во временном, так и в качественном отношении. В частности, первая волна не была связана с революцией 1917 г., а эмигранты кардинально отличались по социальному составу от представителей послереволюционной эмиграции в страны Европы. Вторая волна, оказавшая огромное влияние на формирование и развитие всего русского зарубежья Австралии (что само по себе уже является отличием), также не вполне совпадает с общепринятыми временными рамками эмиграции в Европу. Кроме того, если в Европе именно первая русская эмиграция оказала большое влияние на вторую как в общекультурном, так и в языковом плане [Голубева-Монаткина 2001], то в Австралии все происходило наоборот.

Сопоставление *третьей* и *четвертой* волн эмиграции не обнаруживает существенных различий, поэтому подробно остановимся лишь на первой и второй волнах эмиграции.

Упоминания о первых русских в Австралии датируются концом XIX в. Однако это были лишь отдельные переселенцы [Говор 2001], *первой же волной* можно считать массовое переселение россиян с Дальнего Востока в начале XX в. Причину этого исследователи видят в недовольстве населения новой экономической политикой правительства после поражения в войне с Японией. Основным же толчком, по мнению историков, послужило то, что в 1910 – 1911 годах в Сибири и на Дальнем Востоке «сконцентрировалось большое число разочарованных переселенцев, наиболее мобильные и энергичные из которых устремились за границу. Массовому переселению в Австралию способствовало то, что рабочие руки пользовались здесь постоянным спросом, и австралийское правительство не требовало от иммигрантов денежного залога, который вносился на случай болезни или безработицы» [Каневская 1999: 34]. Немного позже, в 1920-х годах, русская колония пополнилась за счет бежавших от большевизма, однако исследователи отмечают, что их число было незначительным [Дмитровский 1996, 2003] и не приобрело признаков потока.

По данным дальневосточной прессы, а также научных исследований представителей русской эмиграции в Австралии, социальный состав эмигрантов был представлен выходцами из рабочей и крестьянской среды [Малаховский 1981; Дмитровский 1996; Каневская 1999; Говор 2001]. Средством общения внутри этнического сообщества служил русский язык, но целью сообщества была скорейшая ассимиляция, что отразилось в первую очередь на молодом поколении, которое вос-

питывалось вне русской культуры.

Тем не менее русская колония сформировалась, и центром ее жизни стала православная церковь. В 1926 г. был освящен первый Свято-Николаевский храм, а уже в 1927 г. при нем открыта первая в Австралии русская школа [Малиевская 2003]. В 1933 г. был основан и зарегистрирован первый в Сиднее православный приход (Свято-Владимирский) [Суворов 1996].

По неофициальным данным, количество русских в Австралии к началу 1930-х годов не превышало 1500 человек (приблизительно 500 из них проживало в Сиднее). Тяжелые жизненные условия в Австралии, по мнению исследователей, не способствовали общественной, культурной и православной деятельности эмигрантов того времени.

Таким образом, можно сделать вывод, что русская община первой волны эмиграции в Австралии формировалась медленно и была довольно разобщенной, и, по большому счету, нельзя говорить о ее активной духовной и интеллектуальной жизни. Можно утверждать, что первая волна эмиграции не сыграла значительной роли в формировании и развитии русского зарубежья Австралии.

Вторая волна эмиграции в Австралию так же, как и первая, не соответствует по качественному составу эмиграции в страны Европы. Более того, изучая русскую эмиграцию в Европу и Америку 1940-х годов, исследователи высказывают мнение, что нельзя говорить о второй волне эмиграции как о «цельном явлении», а поэтому нельзя говорить и о языке второй волны эмиграции [Пфандль 1994].

Ситуация же в Австралии отличалась кардинальным образом. Причиной этому явилась «харбинская эмиграция» (1930-40-е годы XX в.), составившая основную часть второй волны эмиграции [Kouzmin 1988] и давшая Австралии целую плеяду выдающихся культурных и научных деятелей.

Здесь следует указать на некоторые особенности социокультурной ситуации в Харбине в первой половине XX в.

Харбин – город в Китае, который до второй мировой войны оставался истинно русским городом, проживавшим по законам дореволюционной России, с его гимназиями (с обязательным преподаванием Закона Божьего) и высшими учебными учреждениями, балами, культурной и христианской жизнью, храмами (более двадцати православных храмов) и прекрасной городской архитектурой [Мезин 2000].

По мнению эмигрантки, приехавшей в Австралию из Китая, «Харбин представляет собой особое, исключительное явление... Это был подлинный уголок дореволюционной России, где в чистоте сохранились русский язык, православный быт и традиции» [Золотарева 2000: 105]. Харбин произвел неизгладимое впечатление на всех русских артистов, посетивших его в разное время. «...В Харбине русские

действительно являются русскими, тогда как в Америке они больше американцы, чем русские, в Германии – немцы, во Франции – французы» [Цит. по: Мезин 2000: 8] – эти слова А. Вертинского дают исчерпывающую характеристику харбинской ситуации.

По официальным данным, в отчете Народного комиссариата за 1923 г., в полосе отчуждения КВЖД насчитывалось 400 000 человек русского населения [Мезин 2000а]. Причем уровню их образованности могла позавидовать любая европейская страна: «В городе появилось даже чересчур много профессоров, докторов, юристов, педагогов. Газеты стали пухнуть от рекламных объявлений выпускников университетов, институтов и консерваторий России и Европы, предлагавших свои профессиональные услуги» [Там же: 7].

Уникальность харбинской ситуации как в социальном, так и в собственно лингвистическом плане признают и современные отечественные исследователи. «Основание русского города со всеми необходимыми инфраструктурами, созданными по образу и подобию российских, с преобладанием российского населения привело к возникновению на чужой территории своеобразной “малой России”» [Оглезнева 2001: 250]. Языком повседневного общения большинства населения, языком официальных документов и прессы в Харбине начала XX в. был русский язык. Его статус в качестве основного сохранялся в Харбине до середины 1950-х годов, пока город не покинула значительная часть русского населения.

Несомненно, первое время в чужой стране русским переселенцам из Китая пришлось нелегко. Потребовалось некоторое время на подтверждение квалификации; им приходилось зарабатывать себе на жизнь нелегким физическим трудом. Тем не менее почти сразу стали организовываться русские православные приходы, а к концу 1950-х годов начали строиться русские православные храмы. Эмигранты, «прибывшие из Харбина, внесли поистине свежую струю и в духовное объединение австралийской русской диаспоры» [Шатилов 1997: 13]. В строительстве храмов принимали участие взрослые и дети, местные жители и приезжие из других районов. При храмах строились русские школы, а в 1946 г. в Мельбурнском университете было открыто первое в Австралии отделение русского языка и литературы.

В период второй волны эмиграции создаются различные русские общества: литературно-историческое общество имени А.С. Пушкина, литературное общество «На пятом материке» (основанное в 1952 г. бывшими харбинцами), общество «Наука и искусство» (основанное в 1953 г. русским эмигрантом из Югославии), кружок «Русское творчество (организованный в 1963 г. поэтессой И.И. Резаевой (харбинкой)) и др. [Коренева 1996].

Следует отметить, что представители «харбинской» эмиграции,

а также их дети до сих пор ведут активную работу по воспитанию молодежи в духе любви к России и ее духовному достоянию. Именно бывшие харбинцы (Н. Мельникова – главный редактор журнала «Австралиада. Русская летопись» и приложения к нему «Русские харбинцы в Австралии» (Сидней); Т. Малиевская – главный редактор журнала «Жемчужина» (Брисбен) и др.) являются организаторами местных периодических печатных изданий на русском языке, объединяющих русское зарубежье Австралии.

Таким образом, можно утверждать, что именно вторая волна эмиграции, значительную часть которой представляла «харбинская эмиграция» (около 15 000 человек), создала социально-политические и культурно-исторические предпосылки становления русского зарубежья Австралии.

ЛИТЕРАТУРА

Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. С. 25 – 60.

Васянина Е.Ю. наброски к лингвистическому портрету русских американцев // Русский язык за рубежом. 2001. № 2. С. 95 – 102.

Гловинская М.Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. М. – Вена, 2001. С. 341 – 492.

Говор Е. Из ранней истории. Русские анзаки // Австралиада. Русская летопись. 2001. № 27. С. 4 – 8.

Голубева-Монаткина Н.И. Эмигрантская русская речь // Русский язык зарубежья. М., 2001. С. 8 – 68.

Дмитровский Н.И. Русские в Квинсленде. Приезд // Австралиада. Русская летопись. 1996. № 8. С. 8 – 9.

Дмитровский Н.И. Русские в Квинсленде. Большая долина // Австралиада. Русская летопись. 2003. № 37. С. 10 – 13.

Земская Е.А. Умирает ли язык русского зарубежья? // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 14 – 30.

Золотарева Т.И. Маньчжурские были. Сидней, 2000.

Каневская Г.И. Эмиграция с российского Дальнего Востока в Австралию // Австралиада. Русская летопись. 1999. № 20. С. 34 – 36.

Коренева О. Общественные организации // Австралиада. Русская летопись. 1996. № 7. С. 16 – 18.

Малаховский К.В. Участие русских революционеров в рабочем движении Австралии // Идеи социализма и рабочее движение в Австралии: Сб. статей. М., 1981. С. 67 – 85.

Малиевская Т.Н. Русская прицерковная школа в Брисбене // Австралиада. Русская летопись. 2003. С. 17 – 19.

Мезин Н. О книге «Архитектура гор. Харбина» // Русские харбинцы в Австралии. 2000. С. 23 – 24.

Мезин Н. Харбин и харбинцы (Страницы русской истории) // Русские харбинцы в Австралии. 2000а. С. 5 – 11.

Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. М., 1994.

Оглезнева Е.А. Русская диаспора в Харбине: Уровни лингвистической адаптации // Восточная Азия – Санкт-Петербург. Межцивилизационные контакты и перспективы экономического сотрудничества. СПб., 2001. С. 250 – 254.

Пфандль Х. Русскоязычный эмигрант третьей и четвертой волны: несколько размышлений // Русский язык за рубежом. 1994. № 5–6. С. 101 – 108.

Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919 – 1939. М., 1994.

Суворов И. Краткая история первого православного русского прихода в г. Сиднее, Австралия // Австралиада. Русская летопись. 1996. № 8. С. 10 – 14.

Шатилов А.Б. Эмигранты из России в Австралию в 20–30-е годы // Славяноведение. 1997. № 5. С. 9 – 14.

Эндрюс Д.Р. Пять подходов к анализу языка русских эмигрантов в США // Славяноведение. 1997. № 2. С. 18 – 29.

Kouzmin L. Language use and language maintenance in two Russian communities in Australia // International Journal of the Sociology of language 72. 1988. Pp. 51– 65.

Wells H.B. The Russian Language in the United States // The American Mercury. 1932. Pp. 448 – 451.